

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ И ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Статья И. Ямпольского

Было бы неосторожно судить об отношении Брюсова к первой русской революции по аналогии с его политическим поведением в 1918—1924 гг. Возникает соблазн преувеличить революционность Брюсова тех лет, о чем свидетельствуют например книга Г. Лелевича „В. Я. Брюсов“ и его вступительная заметка к письмам поэта к П. П. Перцову, опубликованным в „Печати и революции“ (1926, № 7). Такое суждение по аналогии приводит иногда к своеобразной идеализации даже биографии Брюсова. Так, некоторые исследователи, основываясь больше на его стихах

Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич,

чем на фактах, говорят о „крепкой мужицкой натуре“, „горячей мужицкей крови“ поэта, называют его „кряжистым плебеєм“, настойчиво подчеркивают, что семья его принадлежала к „самым низшим слоям народа“.

Брюсов как поэт, журналист, организатор литературного движения, Брюсов, в значительной степени преодолевший в себе груз старой культуры, ставший коммунистом и деятелем культуры советской,—фигура настолько крупная, что совершенно незачем подкрашивать его личную и литературную биографию. Разумеется его вскормили не „самые низшие слои народа“, а весьма состоятельная и довольно интеллигентная буржуазная семья. Дед поэта действительно был крепостным, но, как известно, из крепостных вышел целый ряд крупнейших купеческих родов. И Кузьма Брюсов тоже, выкупившись на волю в начале 50-х годов, в 60—70-х стал довольно богатым купцом, владельцем единственной в Москве пробочной торговли с 90-тысячным месячным оборотом, и оставил впоследствии наследство в 200 тыс. рублей. Довод от „крови“, от происхождения, а не от окружающей социальной среды не может претендовать на минимальную убедительность. У исследователей, которые придают ему существенное значение, получается, что тлетворные влияния общественной жизни всецело захватили в свои сети поэта, „голос крови“ на время совершенно умолк, но как только пришли новые общественные условия, они сразу пробудили в нем истинную „мужицкую натуру“ и „прочно залежные настроения шестидесятых годов“¹. Очень уж податливым и безвольным выглядит в такой интерпретации „завоеватель“ по призванию Брюсов. „Возвращение в дом отчий“, о котором говорил он на своем юбилее,—поэтическая метафора; служить исходным пунктом исследования она никак не может, и напрасно реализацией этой метафоры занялся Г. Лелевич в своей книге.

Брюсов принял первую русскую революцию довольно поздно. Еще после убийства Плеве и Ляоянского сражения, значительно усиливших пораженческие и революционные настроения интеллигенции, придавших смелость даже либералам-земцам, он пишет яркие патриотические и антиреволюционные стихи:

Теперь не время буйным спорам,
 Как и веселым звонам струн.
 Вы, ликторы, закройте форум!
 Молчи, неистовый трибун!

(«К согражданам». Декабрь 1904.)

Брюсов без сомнения чувствует размах происходящих событий, но как к ним относится? Вот что он сообщает Перцову 13 января 1905 г.—через 4 дня после 9 января: „Я вижу новые эры истории... Что ждет нас, если Россия сдвинется со своих вековых монархически-косных устоев? Что если ее обуяет дух демократического безумия, как Афины времен Пелопонесской войны? А это вовсе не невозможно. Конечно „во глубине России“ пребудет „вековая тишина“ еще долго, но вершителями ее судьбы легко могут стать люди вроде кожевника Клеона или хотя бы „дерзкого вскормленника Перикла“ Алкивиада. Если сила 110 миллионов (или их больше?) будет ринута во всевозможные авантюры—внешние и внутренние, во все социальные опыты, во все предприимчивые экспедиции? Неужели, если у нас будет Национальный Конвент, не найдется у нас своего Бонапарта?“² Высказывание это совершенно недвусмысленно: в нем отразились и предвидение размаха революции, и вполне определенная ориентация на противостоящие ей силы. В мае 1905 г. Брюсов пишет Чулкову, что с эскадрой Рождественского „пошла ко дну и вся старая Россия“³, но он все еще верен ей: июнем датирована „Цусима“. Поэт „рыдает над погибшей славой“ России и скорбит о неосуществившихся надеждах на „скипетр Дальнего Востока и Рима Третьего венец“.

Однако военное поражение России резко меняет взгляды Брюсова и подводит его к революции. Этот поворот можно точно датировать. В конце июля начались мирные переговоры с Японией, а в августе написаны первые стихи, направленные против самодержавия,—„Юлий Цезарь“ и др. Сам поэт подтверждает это:

Да! Цепи могут быть прекрасны,
 Но если лаврами обвиты!
 А вы трусливы, вы безгласны,
 В уступках ищите защиты!
 Когда б с отчаяньем суровым
 В борьбе пошли вы до предела,
 Я вас венчал бы лавром новым,
 Я вас воспел бы в песне смелой!

Стихотворение, из которого взяты приведенные строки, в 1905 г. не было пропущено цензурой и впервые напечатано в 1914 г. В рукописи, хранящейся в Институте русской литературы Академии Наук СССР (с датой „18 августа 1905“), оно названо „К ним“ и снабжено весьма выразительным подзаголовком: „По поводу заключения мира с Японией и по другим поводам“. Теперь поэт „венчает позором“ самодержавие, предаёт забвению свои слова о необходимости гражданского мира и переходит в стан революции⁴.

Но революционный подъём в поэзии Брюсова длился недолго, месяца три-четыре; именно в это время было написано несколько революционных стихотворений, вошедших в книгу „Stephanos“. Замечу кстати, что стихотворение „Служителю муз“ не может быть причислено к ним.

...Но ты родные Сиракузы
 Люби, как древле Архимед!
 Когда бросает ярость ветра
 В лицо нам вражды знамена,—
 Сломай свой циркуль геометра,

Прими доспех на рамена!
И если враг пятой надменной...

В этом стихотворении, которое интерпретируется обычно как революционное, речь идет по всей вероятности о „внешнем враге“, о японцах. Брюсов был довольно точен в своих сравнениях, и уже одно упоминание Архимеда, преданного друга сиракузского царя, применившего свои знания во время войны с римлянами, показавшего чудеса инженерного дела и сжегшего, согласно легенде, римский флот,—подтверждает это предположение.

Вершины своей брюсовская революционность достигает в октябре; поэт был подавлен величием событий этого месяца. „Приветствую вас в дни революции,—писал он Чулкову.—Насколько мне всегда была (и остается теперь) противна либеральная болтовня, настолько мне по душе революционное действие“. В августе три стихотворения Брюсова—„Близким“, „Знакомая песнь“ и „К ним“—были запрещены цензурой. И вот в том же письме он просит: „Не пользуйтесь свободой печати для тех моих стихов, которые были запрещены цензурой. Я этого решительно не хочу. Напишу новые, более достойные времени“⁵. Однако больше ни одного революционного стихотворения он так и не написал.

Как воспринял Брюсов революцию? В значительной степени чисто эстетически. Для него одинаково прекрасны „и океан народной страсти, в щепы дробящий утлый трон“, и „восточный царь Ассаргадон“—и это 18 октября 1905 г. (дата стихотворения „Довольным“), хотя, казалось бы, он успел уже достаточно разочароваться в Ассаргадоне самодержавия. Об этом писал в свое время Л. Каменев: „Царь Ассаргадон и „своеволие толпы“, Наполеон и „песнь Робеспьера и Марэ“, война за Тихий океан и Хаос Революции, грядущие гунны и рай мудрецов и поэтов—равно божественны для идолопоклонника напряженной жизни“⁶.

Обычно для характеристики революционных тенденций поэзии Брюсова привлекается стихотворение „Кинжал“. И возражать против этого конечно не приходится. Но из него делаются неправомерно широкие выводы, на которые стихотворение не уполномачивает. Ведь написан „Кинжал“ в 1901 г., когда Брюсов еще был монархистом. Из рассказа Г. Чулкова совершенно очевидно, что именно минутное увлечение мощью революционного подполья, размахом революционного движения, о котором он не подозревал, побудили поэта написать несколько революционных стихотворений, в том числе „Кинжал“⁷. А между тем некоторые современные исследователи забывают о том, когда был написан „Кинжал“, и распространительно толкуют его, слишком доверяясь словам стихотворения:

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча вы,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века загадочно былые.

.....
Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я—отзыв вам кричу, я—песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Чем как не пересказом этих слов является следующее утверждение А. Луначарского: „Каждый раз, когда он слышал призыв революции, сердце его трепетало, как от соприкосновения с родной стихией... Он мог политически заблуждаться, когда было темно, но он тотчас же оглядывался к свету, когда тот начинал пылать. И тогда он любил рево-

люцию до конца—революцию героическую, беспощадную и созидающую...“⁸ Небезынтересно, что в конце 1904 г., когда „Кинжал“ был без ведома поэта впервые напечатан в „Новом Пути“ и воспринят в либеральной печати как современное и революционное стихотворение, Брюсов был очень недоволен. „Опасения мои относительно „Кинжала“, к сожалению, оправдываются. „Русь“ (№ от 13 ноября) и „Русс. Вед.“ (№ от 16 ноября) относят его прямо к нашим дням, когда дают предостережения „Нашей Жизни“ и „Праву“ и когда студенты в Москве не могут придумать ничего лучшего, как отговаривать солдат идти на войну или освистывать народный гимн (в это воскресенье). Нет, я не это разумел, говоря о призывном громе. Скорей это те самые „зовы“, над которыми можно только хохотать“⁹. Революционные стихи Брюсова, написанные в 1905 г., хорошо известны, и потому я не буду ни перечислять, ни пересказывать их. Несколько ниже будут отмечены те особенности этих произведений, которые представляются мне наиболее характерными.

Если остановиться только на том отрезке времени, когда революционные настроения Брюсова, казалось бы, несомненны, то и здесь отдельные признания поэта и факты, характеризующие его политическую ориентацию, довольно противоречивы. В августе 1905 г. он пишет свои первые революционные стихи, в октябре не хочет печатать те из них, которые были запрещены цензурой, надеясь написать новые, „более достойные времени“, а между тем стремится поместить в „Вопросах Жизни“ „Цусиму“, „не без боли в сердце“ соглашается зачеркнуть последнюю строфу (о „скипетре Дальнего Востока“) и только под влиянием редакции приходит к заключению, что печатать это стихотворение „неуместно, неприлично“¹⁰. Но в „Stephanos“ все военные стихи, в том числе и „Цусима“, напечатаны. В сентябре Брюсов сообщает П. П. Перцову, что он „написал много стихов „из современности“, частью революционных, частью прямо антиреволюционных“¹¹. Трудно сказать, какие антиреволюционные стихи имел в виду Брюсов, но это признание заставляет призадуматься: весьма возможно, что кое-что, воспринимающееся нами как революционное, ему самому представлялось в ином свете. Приветствуя Чулкова „в дни революции“, Брюсов пишет, что ему „по душе революционное действие“, но совсем незадолго до этого в письме к П. П. Перцову от 24 сентября он ругает и „бездарное“ правительство, и „бездарных“ революционеров: „Революция... Плохо они делают эту революцию! Их деятели—сплошная бездарность! Не воспользоваться никак случаем с „Потемкиным“! Не использовать до конца волнений на Кавказе! Не дать за 16 месяцев ни одного оратора, ни одного трибуна! Всех примечательнее оказался поп Гапон. Стыд! Но хороши и их противники! Трусливое, лицемерное и всюду уступающее правительство! Император, заключающий постыдный мир! Витте, которому рукоплещут за уступку половины Кабофута. Бывают побитые собаки: зрелище не веселое. Но побитый всероссийский император!“¹² И не совсем ясно, предпочитает ли все же Брюсов революционеров, которые будто бы недостаточно решительно действовали, правительству, которому он не может простить военной неудачи. За „бездарностями“ и „неискусными звонарями“ („Знакомая песнь“), которые, правда, в октябре „показали гораздо больше искусства“¹³, он признает лишь разрушительную функцию:

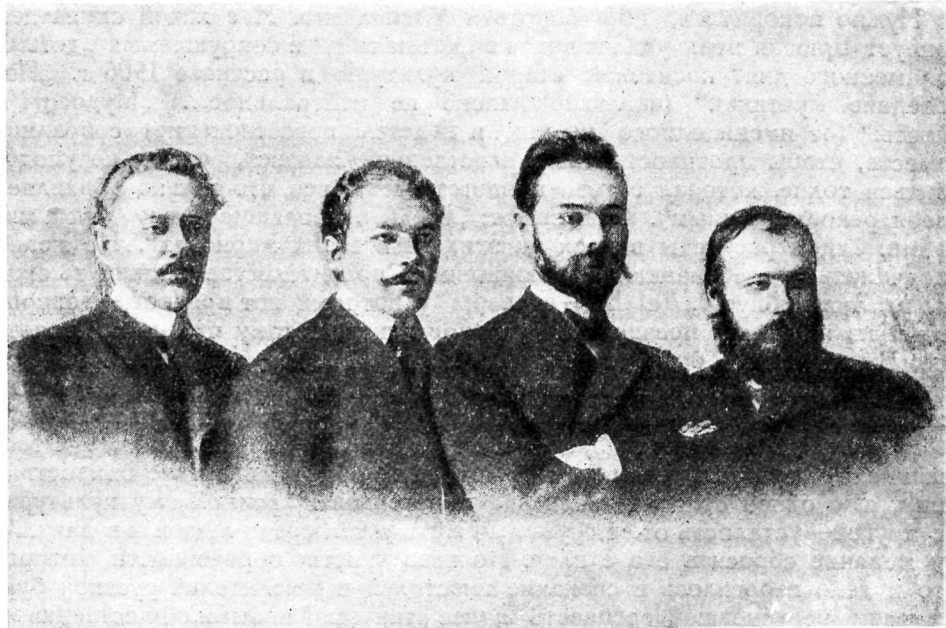
Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но из наставшей темноты,
Из пепла общего пожара
Воздвигнешь новый мир—не ты!

(«Уличный митинг».)¹⁴

Где вы—гроза, губящая стихия,
 Я—голос ваш, я вашим хмелем пьян...
 Но там, где вы кричите мне «Не боле!
 Но там, где вы поете песнь побед,
 Я вижу новый бой во имя новой воли.
 Ломать—я буду с вами, строить—нет!

(«Близким».)

И это вполне естественно. Буржуазия предоставляла пролетариату крушить в русском ancien régime'e то, что стесняло развитие капитализма. Строительство же она считала исключительно своим делом, пре-

КОМИТЕТ ДЕКАДЕНТОКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «СКОРПИОН» (1905 г.)
 Слева направо: Ю. К. Балтрушайтис, М. Н. Семенов, В. Я. Брюсов и С. А. Поляков
 Институт Русской Литературы, Ленинград

красно понимая глубокое различие между своими социальными идеалами и социальными идеалами пролетариата.

Отрицая в революционных массах способность создать новый мир на обломках старого, Брюсов то оставляет творческую работу себе подобным, то призывает эти массы уничтожить всю прогнившую культуру и самого себя, неразрывно с нею связанного:

На этих всех, довольных малым,
 Вы, дети пламенного дня,
 Восстаньте смерчем, смертным шквалом,
 Крушите жизнь—и с ней меня!

(«Довольным»)

Бесследно все сгинет, быть может.
 Что ведомо было одним нам,
 Но вас, кто меня уничтожит,
 Встречаю приветственным гимном.

(«Грядущие гунны».)

Г. Лелевич утверждает на основании этих строк, что Брюсов „радостно приветствовал“ рабочую революцию, и называет его даже „буревестником“¹⁵. Но конечно более прав был Л. Каменев, писавший об „ужасе перед детьми пламенного дня“, трепете перед неизбежным, перед роком¹⁶. „Гуны“ не несут никакой культуры, они способны лишь разрушать. „Мудрецы и поэты“ не в силах воспротивиться гибели „мира заветного, мира прекрасного“ в хаосе революции.

Это—хаос. В хаос черный
Нас влечет, как в срыв, стезя,
Спорим мы иль мы покорны,
Нам сойти с пути нельзя!

(«Лик медузы».)

Нужно покориться, ибо бороться бесполезно. И с какой симпатией рисует Брюсов этих удалившихся в „катакомбы“ и сокрушаемых „детьми пламенного дня“ носителей старой культуры в рассказе 1906 г. „Последние мученики“ (заглавие далеко не нейтральное...) „Мудрецы и поэты“ (от имени одного из них и ведется повествование) собрались вместе, чтобы противостоять „нравственной заразе“, чтобы не уподобиться толпе, которая готова приветствовать „все, что только объявляет себя революционным“. Они знают: „все мы, попавшие между двумя мирами, будем растерты в прах на этих гигантских жерновах“. Не желая подчиниться требованию революционного правительства и покинуть свой храм, они гибнут. „Да! Вы—варвары, у которых нет предков,—говорит один из них.—Вы презираете культуру веков, потому что не понимаете ее. Вы хвалитесь будущим, потому что духовно вы—нищие. Но будущее без прошлого—немыслимо. Вы просто обвал, падающий, благодаря стихийным силам, и крушащий в своем падении всю жизнь: храмы и статуи“.

„Последние мученики“ раскрывают смысл „Грядущих гунов“. Отношение Брюсова к „детям пламенного дня“ обнаруживает не близость к ним, а, с одной стороны, сознание обреченности родной ему культуры, с другой—усталость от ее груза („Я жить устал среди людей и в днях...“) и желание сбросить его с плеч. Но ведь чувство обреченности, которое то и дело вторгалось в сознание писателей и мыслителей русской буржуазии, не успевшей расцвести и уже атакуемой новыми общественными силами, вовсе не есть радостное приветствие грядущего. Внешний вид приветствия, связанный с эстетизированием даже враждебных поэту сил, не должен вводить нас в заблуждение.

Известно, что в эти годы Брюсов всей душой ненавидел либералов. Гневной филиппикой обрушивается он на удовлетворенных манифестом 17 октября 1905 г. в стихотворении „Довольным“. Победа кадетов при выборах в I Государственную думу вызывает у него такие слова: „Дума будет кадетской, как была кадетской тридцать лет и три года вся русская литература. Хочешь не хочешь, а изо дня в день будем слушать из Таврического дворца те же рассуждения, в которых с детства захлебывался на страницах „Русских Ведомостей“ и всего им подобного. Бррр... Я бы уж предпочитал лучше Думу социал-демократическую. Лучше Совет рабочих депутатов (только без Хрусталева), чем Парламент с Родичевым“¹⁷. Но предпочитать—не значит приветствовать, а лучше—не значит хорошо. Тем не менее Г. Лелевич, приведя несколько подобных цитат, утверждает, что Брюсов „отвернулся от буржуазного стана“¹⁸, т. е., иначе говоря, ушел в лагерь пролетариата, хотя и не мог слиться с ним до конца. Критика либерализма возможна с разных позиций. Тургенев за либерализм осуждали и Чернышевский, и Л. Толстой. Справа или слева нападал на либералов Брюсов? Лелевич полагает, что слева, раз говорит об уходе поэта из „буржуазного стана“. Это совершенно

неверно. До августа 1905 г. критика либерализма, может быть очень едкая, злая и так далее, несомненно шла справа (об этом говорит вся политическая позиция Брюсова, его политические обозрения в „Новом Пути“ и стихи), и опрометчиво поступает Г. Лелевич, привлекая для доказательства своего утверждения между прочим и письмо от декабря 1904 г., когда поэт как раз написал „К согражданам“ и „На новый 1905 г.“. Лишь один раз, в октябре 1905 г., Брюсов противопоставил „либеральной болтовне“ „революционное действие“, но уже с конца 1905 г. „революционное действие“ снова перестало привлекать поэта, восторг перед „детьми пламенного дня“, тесно связанный с сознанием своей обреченности, начал постепенно исчезать.

Под влиянием войны поэт отказался от „искусства для искусства“:

И если враг пятой надменной
На грудь страны поникшей стал,
Забудь о таинствах вселенной,
Поспешно отточь кинжал.

Но еще в 1905 г. взгляд Брюсова на поэзию снова меняется. Статья „Современные соображения“, написанная как предисловие к „Stephanos“, говорит о серьезном переломе¹⁹. В своей автобиографии Брюсов сообщает, что писал в ней о „свободном искусстве в свободной стране“ и что заменил ее другим предисловием по совету Вяч. Иванова, о чем сожалеет²⁰. Статья действительно кончается словами „в свободной стране искусство должно быть наконец свободно“, но свободно оказывается оно должно быть от „служения вопросам общественности“. Поэт не обязан выполнять свой гражданский долг именно стихами. „Тогда надо будет требовать... чтобы доктор лечил только раненых в уличных, партийных схватках. Не правильнее ли справляться, как отнесся поэт к своим обязанностям гражданина, в его биографии, а не в его книгах? Может быть в иные дни поэт как гражданин обязан идти на баррикады, но он не обязан рассказывать об этом в особой поэме. Ведь никто не требует, чтобы поэты вместо исполнения общенародной воинской повинности писали по томику солдатских песен“. Да и вообще поэзия играет весьма скромную роль в борьбе партий и общественном движении, если она не превращается в „рифмованное и риторически украшенное рассуждение“. „Требовать, чтобы все искусство служило общественным движениям, все равно, что требовать, чтобы вся ткацкая промышленность только и делала, что готовяла материю для красных флагов. У искусства есть своя область—тайны человеческого духа“. Вопросы любви, смерти, добра и зла всегда современны—„может ли выйти из моды любовь или устареть смерть?“ Чем свободнее общественный строй, тем больше может искусство отдаться „исключительно своему назначению“, потому что нет нужды использовать его „для распространения общественных идей“.

Эта точка зрения на задачи искусства, которой издавна придерживался Брюсов и от которой он лишь на время отошел, еще резче оформилась в 1906 г. Определяя свое отношение к только что вышедшему сборнику „Факелы“ и программе следующих книжек, Брюсов пишет Г. И. Чукову: „А если „Факелы“ только прикрываются флагом искусства и намерены под видом художественных произведений вести проповедь революции—в них не место „декадентам“, которые прежде всего отстаивали и будут отстаивать свободу творчества“²¹.

Отвечая через несколько месяцев на анкету о связи между литературой и революцией, он начисто отрицает какое-нибудь существенное соприкосновение этих понятий, и лаконичный ответ Брюсова приобретает политическую окраску. „Писатели разделяются на талантливых и бездар-

ных,—писал он.—Первые заслуживают внимания, вторые—нет. Талант писателя ни в каком отношении к его политическим убеждениям не стоит. Ф. Тютчев был „правый“, Н. Огарев—„левый“, Ф. Достоевский—„правый“, Н. Некрасов—„левый“. Какая связь между революцией и литературой? Революция может дать несколько тем писателю, разработать которые он может или талантливо, или бездарно,—вот и все“²³.

Как мы увидим ниже, поворот во взглядах Брюсова на задачи искусства и резкий тон приведенных только что слов сопутствовал повороту в его отношении к революции.

В № 11 „Весов“ за 1905 г. помещена статья Брюсова „Свобода слова“. Это полемика со статьей Ленина „Партийная организация и партийная литература“, содержание которой в виду ее широкой известности не буду излагать. Статья Ленина напечатана в „Новой Жизни“ от 13 ноября; очевидно она задела Брюсова за живое и он сейчас же написал свой ответ, датированный 15 ноября. Возражая против слов о „действительно свободной литературе, открыто связанной с пролетариатом“, Брюсов заявляет: „Первая тайно связана с буржуазией, вторая—открыто с пролетариатом. Преимущество второй можно видеть в более откровенном признании своего рабства, а не в большей свободе... Если мы и согласимся, что общепролетарское дело—дело справедливое, а денежный мешок—нечто постыдное, разве это изменит степень зависимости?“ „Цензурный устав“, который будто бы жelaет ввести Ленин, немногим отличается от царившего доселе: можно критиковать частности, а не основы. Отдавая дань энергии, которую проявила в борьбе РСДРП („в истории можно подыскать только один пример, напоминающий наши октябрьские события: это отход плебеев на священную гору“), Брюсов находит, что она „добивалась свободы исключительно для себя, что париям, стоящим вне партии, крохи свобод достались случайно, на время, пока грозное „долой!“ не имеет еще значения эдикта“. Брюсов вступает за этих „париев“, опровергает существование зависимости „писателей-сверхчеловеков“ от буржуазии. Мысленно представляя себе победу рабочей революции, поэт в черных красках рисует будущее—свое и своих товарищей. „Разумеется пока несогласным с такой тиранией предоставляется возможность перейти в другие партии. Но и при прежнем строе у писателей-протестантов оставалась аналогичная возможность: уехать, подобно Герцену, за рубеж. Однако... каждая политическая партия мечтает стать единственной в стране, отождествить себя с народом. Более, чем другая, надеется на это партия социал-демократическая. Таким образом угроза изгнанием из партии является в сущности угрозой извержением из народа... И конечно если бы осуществилась жизнь социального, „внеклассового“, будто бы „истинно свободного“ общества, мы оказались бы в ней такими же отверженцами, такими же *poètes maudits*, каковы мы в обществе буржуазном“. Союзники в борьбе против „неправого“ и „некрасивого“ строя²⁴, мы, говорит Брюсов, „как только вы заносите руку на самую свободу убеждений, так тотчас мы покидаем ваши знамена“.

Но и в борьбе с самодержавием Брюсов, как и многие другие идеологи „буржуазно-интеллигентского индивидуализма“ (Ленин), оказался ненадежным союзником пролетариата. Московское декабрьское восстание поэт наблюдает из окна Губернской земской управы как посторонний человек; он „с самого начала был убежден в безуспешности восстания“²⁴. В 1907 г., кратко резюмируя свои переживания во время революции, он считает нужным отметить: „Я не мог выносить той обязательности восхищаться ею и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи (кроме очень немногих). Я вообще не выношу предпре-

шенности суждений. И у меня выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов я прослыл правым, а у иных и „черносотенником“²⁵. Итак, нужно быть предубежденным, чтобы негодовать на душившее революцию правительство; значит были моменты, когда Брюсову казалось, что правительство более право и справедливо, чем восставший народ. Характерен для эволюции поэта и такой факт. Радуюсь, что Блок, как и он, начал сотрудничать в весьма умеренной газете „Слово“, он снисходительно отзывался о нем в письме к П. Перцову от 17 февраля 1906 г.: „А то он прозябал в „Нашей Жизни“ и в октябре ходил по Невскому с красным флагом“²⁶. Вот, мол, до чего низко пал! Попрежнему Брюсов недолюбливал либералов, но теперь правизна этой ненависти совершенно очевидна. Поэтому грубую ошибку делает Г. Лелевич, приводя цитату из письма к П. Перцову от 5 апреля 1906 г. в числе других доказательств ухода Брюсова из „буржуазного стана“: „А в потворстве кадетам Вы меня обвиняете напрасно: я с благородной безнадежностью проголосовал за 17-е (т. е. за октябристов.—И. Я.),—писал он.—Но, господа! неужели оно станет либеральной партией и я окажусь сторонником русских либералов!“²⁷ Ведь и Гучков, за которого голосовал Брюсов, достаточно ненавидел кадетов и боролся с ними, но тем не менее он всегда пребывал в „буржуазном стане“. „Буржуазный стан“ никогда не ограничивался одними либералами. Наконец в сентябре 1906 г., рецензируя безвкусные вирши Бальмонта о революции („Стихотворения“, СПб., 1906) и подвергая их справедливой и беспощадной критике, Брюсов между прочим пишет: „Не довольствуясь бранью, Бальмонт переходит к угрозам: „Вспомните Францию! Вспомните звук гильотины!“ Эти слова недостойны поэта. В Великой французской революции были светлые и темные стороны. Красный террор с массовыми убийствами, с гильотиной, на которой погиб между прочим и А. Шенье, был самой темной из темных. Призывать его в Россию можно только или в последнем ослеплении, или в детской беспечности, не ведающей, что творит“²⁸. Если бы Брюсов говорил даже об одной Французской революции, и тогда его позиция была бы вполне ясна. Однако он переносит свою оценку и на русскую революцию. Брюсов уже не призывает „Крушите жизнь, а с ней меня!“ а с враждебным чувством думает о силах, несущих гибель капиталистическому миру.

Таким образом никак нельзя согласиться со взглядом А. В. Луначарского, который считал, что „в 1905 году Брюсов, политически колеблющийся, неоформленный до этого, в силу действующих в нем в противовес друг другу личных и общественных сил, сразу определяется как очень острый поэт революции“²⁹. Во-первых, Брюсов не был политическим младенцем и до 1905 г. (см. его политические обозрения в „Новом Пути“). Во-вторых, как „поэт революции“ он определяется далеко не сразу, а довольно поздно—в августе 1905 г. В-третьих, захваченный на короткое время неуклонно нарастающими событиями, он написал всего несколько, правда, блестящих, но лишь условно говоря революционных стихотворений, характер революционности которых был очерчен выше. Брюсов принял революцию 1905 г., как сменовеховцы—Октябрьскую, руководствуясь теми же приблизительно соображениями. Разочаровавшись, в результате военного поражения, в способности самодержавия осуществить идею великой России и русской государственности, понимавшуюся им в духе интересов промышленной буржуазии, он одно время думал, что эту миссию могут более успешно выполнить революционеры. Однако уже с конца 1905 г. Брюсов перестает приветствовать „детей паменного дня“, отрицает служебную роль искусства, а в поэтической практике отходит от революционной тематики.

3 июня 1907 г. является, как известно, поворотным пунктом в политике российского самодержавия. Самым наглым образом были нарушены обещания, данные правительством 17 октября 1905 г.: Дума разогнана, избирательный закон изменен так, что Столыпин гарантировал себе в III Государственной думе послушное большинство, а рабочие лишены и тех скудных прав, которыми они пользовались до сих пор. Социал-демократические депутаты были преданы суду по обвинению в государственной измене, отправлены на каторгу и на поселение в Сибирь. Заигрывание с либералами окончилось, теперь либералы особенно усиленно стали заигрывать с правительством, пошли на циничную сделку с ним. Буржуазная интеллигенция присмирела, навсегда отошла от революции, занялась мирным приспособлением к существующему строю, а ее писатели—„метафизикой пола“ и просто порнографией, религиозными исканиями, развенчанием революционеров и революционных идеалов.

Как же отнесся Брюсов к государственному перевороту 3 июня? Два неопубликованных письма к отцу, находившемуся в то время в Париже, в некоторой степени разъясняют этот вопрос.

Об отце поэта, Якове Кузьмиче (1848—1907), к которому адресованы письма, см. в книге В. Брюсова „Из моей жизни“. М., 1927, в его автобиографии, напечатанной в „Русской литературе XX века“ под ред. С. А. Венгера, т. I, М., 1914, и в сборнике „Валерию Брюсову“. М., 1924. Отметим одну неточность, допущенную поэтом. В своей последней автобиографии он писал: „В те же годы отец сблизился с кружками тогдашних революционеров, идеям которых оставался верен до конца жизни“ („Валерию Брюсову“. М., 1924, стр. 13). Как видно из письма Брюсова от 3 июня, Яков Кузьмич, по крайней мере в последний год своей жизни, сочувствовал не революционному народничеству, а кадетам: недаром Брюсов после слов: „центр (Твой)“ и т. д. упоминает имя одного из кадетских лидеров и члена Государственной думы всех четырех созывов—Ф. И. Родичева.

Вот эти письма (хранятся они в Институте русской литературы):

1

3 июня 1907 ст. ст., день исторический.

Итак, свершилось—Дума распущена и новый избирательный закон издан. *Сoup d'état!* „Государственный удар“, как переведено в учебнике истории профессора Павла Гавр. Виноградова³⁰. Не знаю, как ощутили этот удар вы в вашем далеке, дошел ли чувствительно этот *soup* до *St.-Cloud*, а на нас произвел он впечатление сильнее. Куда теперь кинуться: спрва реакция дикая, слева бомбы и экспроприации, центр (Твой) лепечет умильные или громкие слова (Родичев: „мы умрем! мы умрем!“ а все не умирает). Вопрос теперь в том, как будет реагировать на роспуск вся Россия: если устроит нелепое „выступление“, ее избыют, если смолчит, ее скрутят,—что лучше? Но и социал-демократы хороши! хоть бы депутаты-то их не начинали бомб, пусть (если уж это так сладостно) занимаются этим другие. А то ведь действительно они свою неприкосновенность понимают в смысле права делать все, что им нравится. „Посадили в парламент младших дворянчиков и хотят, чтобы они законодательствовали“, как сказал один английский журналист. Кто лучше, кто хуже, никак не разберешь. Недавно один из тех „товарищей“, в пользу которых я читал лекцию, ораторствовал мне, что со введением социального строя появится новое, совсем новое искусство. Я его спросил: а таблица умножения тоже будет новая? Он мне ответил, по-

думав: может быть!—Хороши! будь пролетарием, и ты не только прав, но и поэт и мудрец, не учась. А после беседовал я с Влад. Павл. Рябушинским, издателем октябристского „Голоса Москвы“. Этот говорит: Все спасение—только в буржуазии. Рабочие—это скот, и мудры были римляне, которые держали их как рабов. Учить их? пожалуй грамоте, чтобы они полезнее были на фабрике, а если что другое, стрелять и вешать без пощады!—Вот примири этих двух!—И кажется мне, что нет для России выхода ни влево, ни вправо, ни вперед... разве назад попятиться, ко временам Ивана Васильевича Грозного!

Знаю, что письмо мое бестолково, да, как говорит Пушкин, некогда мне быть толковым. Того и гляди забастовку устроят, типографии останутся, вся жизнь прекратится, и куда деваться мне, поэту и литератору? Неужели о избирательном законе писать? Самое неподходящее для меня время, потому что мне хотелось бы читать латинских поэтов и заканчивать свой роман, а вместо этого читаешь глупые газеты десятками и подумываешь, не написать ли десятка два эпиграмм на наших Маратов, на наших Мирабо и на наших Неккеров... Впрочем, и те, знаменитые, XVIII века, мож. б., были не лучше наших, только издали кажутся великанами!

Спасибо за письма и за книгу: дошла-таки! Поездку по Волге уж не знаю, удастся ли осуществить. Во всяком случае выедем не раньше числа 10 ст. ст. „Весы“ и № 4 и № 5 готовы—дело за последними страницами, обложками etc., а и то не знаем, выйдем ли! Не полетим ли все мы, и с „Весами“ и с новым Манифестом, вверх тормашками.

Твой Валерий.

Р. S. Вечер о Бодлэре был в пользу безработных. Хотя был уже все не сезон, выручили 60 р. чистых. Не так, как Саша ³¹, который устраивал „вечер“ в Малаховке в пользу военной организации с[оциал]-д[емократической] партии и понес 40 р. или 50 р. убытку!!

2

21 июня/24 июля 1907.

Наше путешествие я описываю в письме к маме: думаю, она с тобой им поделится и не повторяю того же самого. Скажу только одно: очень меня поразило, при дорожных встречах и разговорах, как все „поправили“. Положим на пароходе мы ехали в 1 классе, но железной дорогой во 2, и все наши попутчики были „правее кадетов“. У одного господина, с которым играл я на пароходе в шахматы, был даже брелок на часах с надписью „17 октября“. А в поезде познакомился я с неким А. П. Языковым, пензенским землевладельцем и земским деятелем, ехавшим на похороны своего друга, графа Гейдена, — при чем этот Языков подробно изъяснял мне, почему он не мог войти в партию „мирного обновления“, как слишком революционную ³². Даже газеты в Поволжье почти все правые! Впрочем это последнее может объясняться или тем, что левые газеты закрыты насильно, или тем, что газетчики, продавая мне газеты, по моему лицу заключали, что нужно мне вручать газеты не левее октябристских. Общее мнение таково, что на востоке России „освободительное движение“ должно считаться ликвидированным или по крайней мере приостановленным лет на десять.

Впрочем и в столицах упадок духа большой. Правительство закрывает чуть не все профессиональные союзы; а рабочие никак не решаются реагировать на это. Кадеты уныли, и кн. Трубецкой зовет к соглашению с октябристами. „Русс[кие] Вед[омости]“ питаются перепечатками из

„Нов[ого] Времени“. Социалистическое „Утро Столичное“ ударило в бульварные романы. „Товарищ“ и „Русь“ все больше о литературе пишут и бржужат на „Весы“. Впечатление такое, что теперь не революционные дни, а самое суровое время царствования Александра III. Столыпин на все наступил пятой и ждет, скоро ли ему воздвигнут чугунный монумент.

Среди „декадентов“, как ты видишь отчасти и по „Весам“, идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: „скорпионы“, „золоторунцы“, „перевальщики“ и „оры“—в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь. Ты читал, как мы нападаем на „петербургских литераторов“ („Штемпелеванная Калоша“): это выпад против „Ор“ и в частности против А. Блока. Этот Блок отвечает нам в „Золотом Руне“, которое радо отплатить нам бранью на брань. Конечно не смолчит и „Перевал“ в ответ на „трихину“. Одним словом бой по всей линии!

Я думаю провести „Весы“ еще 1½ года, до конца 1908 года, а потом бросить и удалиться, как Диоклетиан, сажать капусту (авось к тому времени дом продается и будет на что купить рассады!)³³. Впрочем, что бог пошлет! Пока до свидания—очевидно осенью, ибо поездка наша в Лондон откладывается на неопределенное время.

Твой

Валерий

Разговоры и встречи, описанные в письмах к отцу, зафиксированы и в дневнике Брюсова. Записи в дневнике кое в чем дополняют письма, но более кратки и в отдельных местах не так выразительны. Вот они:

19 мая.

У меня Эллис и рабочие, устраивавшие вечер Бодлэра в пользу безработных. Обычные споры о социализме и пролетариате.

Июнь.

.....

Познакомился с Владимиром Павловичем Рябушинским. Убежденный „буржуазист“. Все сделают буржуа. Пролетарии—должны быть рабами. Если кто мятежничает—убивать. Крестьяне жгут усадьбы? А зачем вы бежите в Петербург? Перестреляйте тех, которые нападают, и сожгите сами, а не с помощью казаков, десять деревень кругом, и мужики поймут, что у вас есть право на землю. Гучков для В. П.—гений.

.....

Поездка по Волге, от Ярославля до Самары... Настроение всех, с кем я встречался, правое, но левее „октябристов“. Впрочем мы ехали в первом классе. В поезде встретились со стариком А. П. Языковым, ехавшим на похороны гр. Гейдена. Говорили с ним о современной смуте. Он яростно поносил кадетов, ибо партии более левые были ему просто чужды“³⁴.

Брюсов довольно ярко передает то подавляющее впечатление, которое произвел третьеиюньский переворот, тот разброд либеральной интеллигенции, который за ним последовал. Правокадетские, профессорские „Русские Ведомости“, обильно черпающие материал из презируемого ими, субсидирующегося правительством, всецело поддерживающего Столыпина „Нового Времени“; если и не социалистическое, как пишет Брюсов, то все-таки довольно левое „Столичное Утро“, печатающее бульварные романы; левокадетский „Товарищ“ и более умеренная „Русь“, выбитые из колеи грозными событиями и пишущие преимущественно о

литературе—все это подмечено очень метко. Брюсов ни в какой мере не подписывается под совершившимся. Он с некоторой жутью пишет: „Впечатление такое, что теперь не революционные дни, а самое суровое время царствования Александра III. Столыпин на все наступил пятой и ждет, скоро ли ему воздвигнут чугунный монумент“.

Весь этот разброд увеличивался для Брюсова литературными междоусобицами внутри символизма. Оформились разные тенденции, мирное сожительство которых сделалось весьма затруднительным. Главенство „скорпионов“, т. е. символистов, сгруппировавшихся вокруг издательства „Скорпион“ и журнала „Весы“, редактором которого был Брюсов, настойчиво стали оспаривать недавно возникшие журналы „Золотое Руно“ и „Перевал“ и издательство „Оры“. В основные идеологические разногласия вплетались сложные журнальные и личные отношения. „Весы“ не щадили врагов, направляя свои полемические стрелы преимущественно на „мистический анархизм“, т. е. на Георгия Чулкова, Вячеслава Иванова и отчасти Блока. Такова как раз „Штемпелеванная калоша“ Андрея Белого („Весы“ 1907, № 5). В том же номере „Весов“ помещена и вторая статья, которую упоминает Брюсов,—„Трихина“ Товарища Германа (Зинаиды Гиппиус), посвященная „Перевалу“.

Смог ли Брюсов ясно ориентироваться, занять вполне определенную позицию в обстановке полного политического разброда среди либеральной, а отчасти и революционной интеллигенции, в этой начавшейся эпохе предательства и отступничеств? Из писем, полагаю, очевидно, что нет. Он напоминает героя народной сказки, который прочел на придорожном столбе: прямо пойдешь—голоден и холоден будешь, направо пойдешь—коня потеряешь, налево пойдешь—сам погибнешь. Но герой народной сказки подумал-подумал и все же выбрал одну из этих дорог. Брюсов менее решителен. Справа—„реакция дикая“, слева—„бомбы и экспроприации“, итти некуда. Ближайшее будущее рисуется в безнадежных красках: если вспыхнет нелепое „выступление“ (кавычки Брюсова)—плохо, если Россия склонит выно и снесет все молча—будет не лучше. „И кажется мне, что нет для России выхода ни влево, ни вправо, ни вперед... разве что назад попятиться, ко временам Ивана Васильевича Грозного!“ Весьма характерно, что в 1907 г. Брюсов уже представляет себе революционное движение только в виде „бомб и экспроприаций“.

Эта сумятица и растерянность, позже преодоленная, все же не была минутной. В 1908 г. в стихотворении „Наш демон“ поэт говорит о том же мраке и отсутствии путей:

Куда ж теперь, от скал Цусимы,
От ужаса декабрьских дней,
Ты нас влечешь, неоодолимый?
Не видно вех, и нет путей.

Где ты, наш демон? Или бросил
Ты вверенный тебе народ,
Как моряка без мачт и весел,
Как путника в глуши болот?

Брюсов не только не мог занять вполне определенную политическую позицию, он не знает даже, „куда теперь кинуться“—вправо или влево. И без всякого сочувствия описывает оба лагеря. Как в январе 1905 г. поэт передавал П. Перцову слова какой-то „демократки“: „не то жаль, что его [Трепова] не убили, а то, что поколеблен авторитет Центрального Комитета, объявившего, что Трепов будет убит“³⁵, так теперь он смеется над собеседником, уверенным, что с новым общественным строем

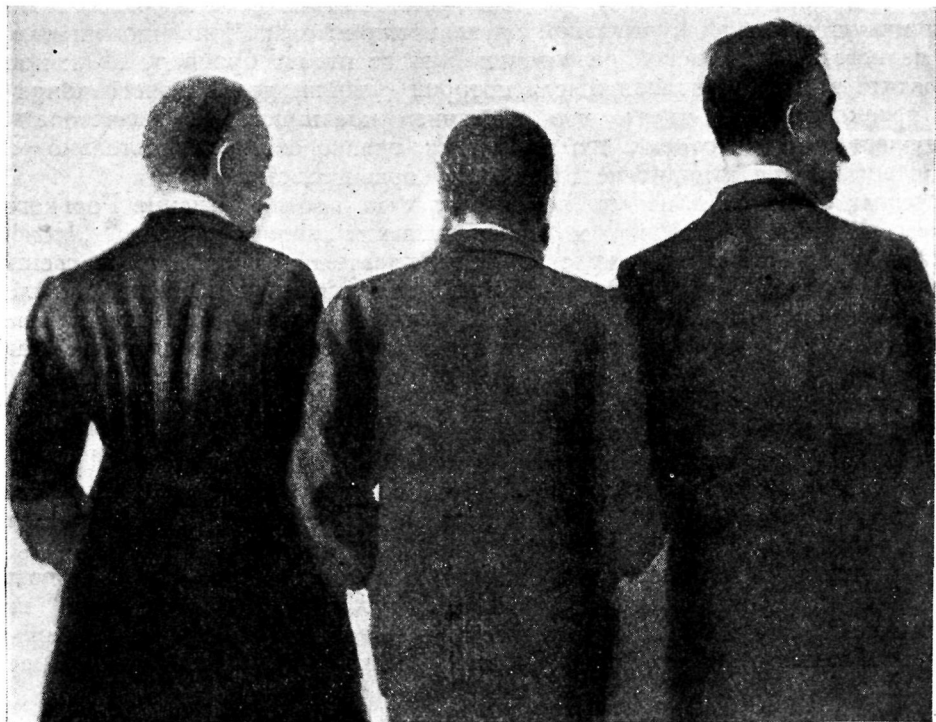
появится „новое, совсем новое искусство“, и задает ему каверзный вопрос о новой таблице умножения. С издевкой говорит он о „товарищах“, думающих, будто пролетарское происхождение заменяет им талант и образование; не без явного сочувствия повторяет он слова английского журналиста о законодательствующих „младших дворниках“. Наконец характерно, что Брюсов повторяет то, что писалось в октябристском „Голосе Москвы“ о превратном понимании неприкосновенности социал-демократическими депутатами. В передовой номера от того же 3 июня мы читаем: „Злоупотребляя депутатской неприкосновенностью, социал-демократы желали подготовить народ к новым выступлениям... Им нужна была Дума в расчете на неприкосновенность депутатского жилища. Они серьезно воображали, что на квартире депутата можно готовить бомбы и полиция не смеет туда войти“. Тут же о „невежественных депутатах“—ср. с „младшими дворниками“.

Разумеется Брюсов не был октябристом. Еще в 1905 г. он писал Чулкову, что не в состоянии стать партийным человеком. Да кроме того октябристы отнюдь не чувствовали растерянности после 3 июня. Они забыли бывшие „либеральные“ идеи „Союза 17 октября“ и третьей юнкерской монархия была им вполне по душе. Брюсов же, как видно из письма к отцу, если и не относился к ней с активной враждебностью, то с недоумением и с испугом смотрел на то, как „Столыпин, на все наступил пятой“. Но социал-демократы, с которыми он спорил и над которыми смеялся („Обычные споры о социализме и пролетариате“, записывает он в дневник), были люди совсем чужие, из другого мира. А Рябушинский, крупный финансист и владелец ряда текстильных фабрик, брат издателя „Золотого Руна“, после Октябрьской революции—один из вдохновителей интервенции, имя которого снова всплыло во время процесса „Промпартии“, Рябушинский, при всей его совершенно несвойственной Брюсову звериной ненависти к пролетариату, был поэту все же в те годы ближе и по культуре, и по бытовым связям, и по отдельным элементам политического credo. Рябушинский говорил „дикие вещи“, но с ним можно было столкнуться.

„Кто хуже, кто лучше, никак не разберешь“... И тем не менее через несколько месяцев после этого Брюсов ведет переговоры о постоянном участии в издававшемся Рябушинским октябристском „Голосе Москвы“, всецело поддерживавшем столыпинскую политику. Сотрудничество не осуществилось, но самая попытка небезразлична. Характерно, как Брюсов рассказывает о ней. В неопубликованном письме к Ф. Сологубу читаем (буквально то же пишет он и Блоку): „Октябристы после победы оказались гораздо менее стоворчивыми, нежели были до выборов. С другой стороны, А. Белый, вспомнив вдруг, что он „левый“, отказался от участия в „Голосе“. В результате вся комбинация с этой газетой расстроилась“. И в другом письме от 2 ноября: „Обращаю Ваше внимание на то, что, приглашая Вас в „Голос Москвы“, я прежде всего указал на то, что это—газета октябристов, и Вы дали свое согласие именно при этом условии. Но так как дело все равно расстроилось, к обоюдному удовольствию сотрудников и редакции, не будем более говорить о нем“ (Институт русской литературы).

Брюсовская позиция в 1907 г. не может быть разумеется охарактеризована одной растерянностью; в ней была изрядная доля совершенно безразличного отношения к политической жизни, политического нигилизма—одного из ярких и типичных проявлений ухода буржуазной интеллигенции от более или менее длительных, более или менее поверхностных увлечений 1905 г. Поэта одолевает желание написать эпиграммы решительно на всех—и на Маратов, и на Мирабо, и на Неккерров. Пре-

одоление растерянности при помощи политического самоопределения не было в его сознании делом первостепенной важности, настойчиво требующим немедленного разрешения. Вопрос о „веках“ и „путях“ России звучит часто у Брюсова риторически и поглощается более волнующим его вопросом—как быть ему, поэту, не желающему вмешиваться в „современную смуту“, в неблагоприятных условиях, ею созданных? „Того и гляди забастовку устроят, типографии остановятся, вся жизнь прекратится, и куда деваться мне, поэту и литератору? Неужели о избирательном законе писать? Самое неподходящее время, потому что мне хотелось бы

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО ТЕАТРА «СТУДИЯ» (1905 г.)

Слева направо: Ю. К. Балтрушайтис, С. А. Поляков и В. Я. Брюсов

Институт Русской Литературы, Ленинград

читать латинских поэтов и заканчивать свой роман („Огненный ангел“, печатавшийся в „Весах“ в 1907 и 1908 гг.—И. Я.), а вместо этого читаешь глупые газеты десятками“... Политический нигилизм и примат литературных интересов объясняет отчасти ту неразборчивость Брюсова, которую он проявил при почти одновременных переговорах с разными и в том числе столь ненавистными ему либеральными газетами.

В эти годы Брюсов был убежден, что

.....все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов.

Такая точка зрения на взаимоотношения искусства и действительности поддерживала и питала его политический нигилизм. Но весьма вероятно, что теория „искусства для искусства“ сыграла и свою положительную

роль в эволюции поэта. Может быть отчасти она предохранила его от окончательного впадения в третьейюнскую монархию и полного примирения с нею.

Мировая война снова оживила в Брюсове империалистические чаяния. Ему казалось, что „из огненной купели преобразенным выйдет мир“.

Уезжая в июле 1914 г. на фронт в качестве военного корреспондента „Русских Ведомостей“, он говорил в московском литературно-художественном кружке: „Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов“⁸⁶.

В его стихах и корреспонденциях с фронта мы встречаем фразеологию, типичную для всей буржуазной интеллигенции, охваченной шовинизмом. Уже после Февральской революции Брюсов издает брошюру „Как прекратить войну“, основная мысль которой—„война до победного конца“. В предисловии он писал, что созданием коалиционного министерства осуществлены некоторые его пожелания, однако скоро окончательно разочаровывается в политике Временного правительства.

Когда буржуазная печать подняла травлю против Максима Горького, вызванную его близостью к большевикам и „пораженчеством“ „Новой Жизни“, Брюсов был в числе немногих писателей, которые сочувственно отнеслись к нему. „Вы очень тронули меня за сердце, Валерий Яковлевич,—писал ему Горький,—редко случалось, чтоб я был так глубоко взволнован, как взволновало меня ваше дружеское письмо и милый ваш сонет. Спасибо вам. Вы первый литератор, почтивший меня выражением сочувствия“⁸⁷. В начале 1918 г., в то время как вся интеллигенция занималась саботажем, Брюсов пришел к А. В. Луначарскому, чтобы обсудить вопрос о работе с советским правительством. Прежние товарищи негодовали, исключили его из литературных организаций, прекратили знакомство с ним. Но Брюсова это не смутило: он активно работал в Наркомпросе и Госиздате, а в 1919 г. вступил в РКП.

Как и в 1905 г., Брюсов сначала принял революцию по-сменовеховски. Революция в его сознании продолжает выполнять задачи, „в веках“ назначенные его родине; она осуществляет все тот же идеал великой и единой России, который оказался не под силу выродившемуся самодержавию.

Ты, летящий с морей на равнины,
С равнин к зазубринам гор,
Иль не видишь: под стягом единым
Вновь сомкнут древний простор!
.....
Эй, ветер, ветер! поведай,
Что в распрах, в тоске, в нищете
Идет к заповедным победам
Вся Россия, верна мечте;
Что прежняя сила жива в ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой все властей, все державней
Земные ведет племена!

И недаром в стихотворении „Парки в Москве“ поэт вспоминает о первом „собирателе земли русской“ Иване Калите, протягивая нити от него к Октябрьской революции. На сменовеховский характер перерождения Брюсова указывал в свое время и М. Н. Покровский в статье „Кающаяся интеллигенция“, посвященной парижскому журналу „Смена вех“.

„С идеологии и начинается та многоликость нововеховцев, о которой говорилось в начале,—писал он.—Психология у них более или менее одна,—идеологий несколько. Самая элементарная из них мало чем отличается от идеологии любого неопита советского строя, каких немало—таким выступало чередою за эти четыре года. Возьмите например статью проф. Лукьянова во втором № журнала („Революционное творчество культуры“): это мог бы написать и проф. Гредескул, мог бы написать годами двумя раньше В. Я. Брюсов“¹⁸.

Но события революционных лет воочию показали поэту, что Октябрь принес в мир совершенно новые общественные начала и ценности. И он с гневом обрушивается на интеллигентов, которые любили мечтать о будущем, читая фантастические романы и утопии, а осуществление их встретили насмешками и тоской о прошлом:

Иль вам, фантастам, иль вам эстетам,
Мечта была мила, как дальность,
И только в книгах, да в лад с поэтом
Любили вы оригинальность?

Брюсов воспевае в своих стихах „слепительный Октябрь“, его вождя, „воль миллионных воплощение“—Ленина, и интернациональное значение русской революции.

С асфальтов Шпре, с Понтийских топей,
С камней, где доккер к Темзе пал,
Из чаш чудес—земных утопий,—
Где глух Гоанго, нем Непал,
С лент мертвых рек Месопотамий,
Где солнце жжет людей дремля,—
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!

Разумеется Брюсов не в силах был отказаться от груза старой культуры, с которой был тесно связан всю свою жизнь. Разоблачая „романтиков“, он тут же старается найти им историческое оправдание; революцию он то и дело воспринимает как бессознательную стихию; современные события одевает в близкие ему античные образы и т. д. Но нельзя забывать и недооценивать того факта, что большой человек капиталистического мира понял колоссальную значимость совершившегося исторического сдвига и пытался сделаться скромным рядовым работником новой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. Лелевич, В. Я. Брюсов. М.-Л., 1926, стр. 104.

² „Русский Современник“ 1924, № 4, стр. 234.

³ Г. Чулков, Годы странствий. М., 1930, стр. 324.

⁴ В архиве Брюсова сохранилось впрочем одно более раннее стихотворение, датированное 6 июля, которое следует отнести к группе революционных стихов. Совершенно законченное, оно имеет на полях пометку Брюсова „плохо“. Вероятно поэту оно и не было опубликовано самим поэтом. Приводим стихотворение с разрешения И. М. Брюсовой.

На площади, полной смятеньем,
При зареве близких пожаров,
Трое, став пред толпой,
Звали ее за собой.

Первый воскликнул: „Братья,
Разрушим дворцы и палаты!...
Разбив их мрамор, мы
Увидим свет из тюрьмы!“

Второй воскликнул: „Братья,
Разрушим весь дряхлый город!
Стены спокойных домов —
Это звенья старинных оков!“

Третий воскликнул: „Братья,
Сокрушим нашу ветхую душу!
Лишь новому меху дано
Вместить молодое вино“.

1905, 6 июля Антоновка.

- ⁵ Г. Чулков, Годы странствий. Стр. 335—336.
- ⁶ Ю. Каменев, О Ласковом Старике и о Валерии Брюсове.—„Литературный Распад“, СПб., 1908, стр. 87.
- ⁷ Г. Чулков, Годы странствий. Стр. 101—103.
- ⁸ А. Луначарский, Предисловие к „Избранным произведениям“ Валерия Брюсова, т. I, М.-Л., 1926, стр. 6—7.
- ⁹ Г. Чулков, Годы странствий. Стр. 321.
- ¹⁰ Г. Чулков, Годы странствий. Стр. 330, 332.
- ¹¹ „Печать и революция“ 1926, № 7, стр. 44.
- ¹² Там же.
- ¹³ Г. Чулков, Годы странствий. Стр. 339.
- ¹⁴ Заметим кстати, что П. Струве в весьма благожелательной статье о „Stephanos“ под названием „Наше „бездарное“ время“, статье, являвшейся недвусмысленной попыткой вовлечь крупного поэта в лоно кадетской общественности, писал об „Уличном митинге“ следующее: „Тем же гуманизмом, философски справедливым и философски независимым, проникнуто стихотворение „Уличный митинг“, где автор, обращаясь к разрушительным силам переворота, говорит...“ и т. д. („Полярная Звезда“ 1906, № 14, стр. 224). Разрядка моя. — И. Я.
- ¹⁵ Г. Селевич, В. Я. Брюсов. Стр. 123, 146.
- ¹⁶ „Литературный Распад“, СПб., 1908, стр. 88.
- ¹⁷ „Русский современник“ 1924, № 4, стр. 235.
- ¹⁸ „Печать и революция“ 1926, № 7, стр. 39.
- ¹⁹ Напечатана в журнале „Искусство“ 1905, № 8 (вышел в ноябре).
- ²⁰ „Русская литература XX века“ под ред. С. А. Венгера, т. I, М., 1914, стр. 115.
- ²¹ Архив Брюсова. Черновик письма к Г. И. Чулкову от 17 июня 1906 г.
- ²² „Свобода и Жизнь“ 1906, № 12 от 12 ноября.
- ²³ Интересно, что в этой статье Брюсов пользуется эпитетами из „Кинжала“.
- ²⁴ „Дневники“. 1891—1910. М., 1927, стр. 137.
- ²⁵ Там же, стр. 136—137.
- ²⁶ „Печать и революция“ 1926, № 7, стр. 44.
- ²⁷ Там же, стр. 45.
- ²⁸ „Весы“ 1906, № 9, стр. 55.
- ²⁹ А. Луначарский, Литературные силуэты. М., 1925, стр. 182.
- ³⁰ Виноградов, П. Г. (1854—1925) — историк, специалист по английскому средневековью, профессор Московского и Оксфордского университетов; см. о нем статью Ленина „Что хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?“ (1905).
- ³¹ Саша—Александр Яковлевич Брюсов, брат В. Я., бывший в то время большевиком.
- ³² Граф П. А. Гейден (1840—1907)—в 90-х годах президент Вольно-экономического общества, участник земских съездов 1904—1905 гг., лидер левого крыла октябристов; после разгона I Государственной думы, членом которой он был, — один из организаторов „партии мирного обновления“; см. о нем статью Ленина „Памяти графа Гейдена“. К той же партии примкнул и упоминаемый ниже кн. Е. Н. Трубецкой (1863—1919) — профессор философии права, философ-мистик, до 1906 г. — правый кадет.
- ³³ Диоклетиан, Гай-Аврелий-Галерий—римский император (царствовал в годы 284—305); заболел, отказался от власти и вернулся на родину, где жил в полном уединении. Брюсов действительно принимал близкое участие в редактировании „Весов“ только до конца 1908 г. Дом, о котором он пишет, был оставлен дедом в наследство ему и его брату с запрещением продавать его до тридцатипятилетнего возраста.
- ³⁴ „Дневники“, стр. 138—139.
- ³⁵ „Русский современник“ 1924, № 4, стр. 234.
- ³⁶ „Проводы В. Я. Брюсова“. — „Голос Москвы“ от 25 июля 1914 г.
- ³⁷ „Печать и революция“ 1928, № 5, стр. 60—61.
- ³⁸ М. Н. Покровский, Кающаяся интеллигенция. — „Коммунистический Интернационал“ 1922, № 20, стр. 5285.